

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПЕРЕДОВЫЕ РАЗРАБОТКИ
В ИНТЕРЕСАХ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ
ЮГА РОССИИ**

**Материалы Международного научного форума,
посвященного 20-летию ЮНЦ РАН
(г. Ростов-на-Дону, 8–10 февраля 2023 г.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2023

УДК 001.89
Ф94

Редколлегия:

академик РАН Г.Г. Матишов, д.г.н. С.В. Бердников, чл.-корр. РАН В.В. Калинин, д.и.н. Е.Ф. Кринко, д.т.н. Ю.И. Юрасов, к.б.н. В.В. Стахеев, д.г.-м.н. С.Г. Парада, д.б.н. Е.Н. Пономарева, д.ф.-м.н. А.В. Павленко, д.и.н. С.И. Лукьяшко, д.и.н. А.В. Венков, к.б.н. Н.И. Булышева, к.б.н. А.И. Ермолаев, к.ф.-м.н. А.В. Назаренко, к.т.н. В.В. Кулыгин, к.филол.н. Т.Е. Гревцова, к.филол.н. Н.А. Власкина, Р.Г. Михалюк

Фундаментальные исследования, инновационные технологии Ф94 и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону, 8–10 февраля 2023 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – 416 с. – ISBN 978-5-4358-0250-4.

В посвященном 20-летию ЮНЦ РАН сборнике представлены результаты фундаментальных и прикладных исследований, нацеленных на решение актуальных проблем в интересах долгосрочного развития Юга России и охватывающих широкий спектр направлений: создание инновационных продуктов микро- и нанoeлектроники; математические методы в сейсмологии, прогнозировании аномальных природных событий и обеспечении безопасности жизнедеятельности; синтез и свойства полифункциональных органических и металлокомплексных соединений; технологии разведки и освоения минерально-ресурсного и биоресурсного потенциала горных и аридных территорий, морских побережий и шельфов; информационные технологии для задач прогнозирования и управления природными ресурсами; сохранение биоразнообразия морских и наземных экосистем; биотехнологии сохранения и воспроизводства биоресурсов; экстремальные природные явления и их предупреждение; анализ и моделирование социально-экономических и этнополитических процессов; мировая экономика и социально-экономическое развитие южных регионов; гуманитарные исследования на Юге России.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся фундаментальными исследованиями, инновационными технологиями и передовыми разработками.

УДК 001.89

Проведение мероприятия и публикация издания осуществлены при поддержке АО «АЛЬФА-БАНК».

Утверждено на заседании Ученого совета ЮНЦ РАН № 10 от 20.12.2022.

Редколлегия не несет ответственности за недостоверность приводимой авторами информации. Материалы опубликованы с сохранением авторской редакции.

ISBN 978-5-4358-0250-4

© ЮНЦ РАН, 2023

Раздел 10

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

АХРЕЯНЕ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА

П.А. Аваков

---

*Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону
pavakov@mail.ru*

В наши дни одним из актуальных направлений гуманитарных исследований является изучение локальных этнических и территориальных сообществ, занимающих пограничное положение в географическом, этнокультурном и религиозном контекстах. К числу таких сообществ во всех смыслах принадлежат *ахреяне* – этнорелигиозная группа славянского населения османско-крымских владений в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье конца XVII – начала XVIII в. Долгое время она оставалась малоизученной, но не так давно прорыв в этой области совершил Д.В. Сень [Сень, 2012; 2013, републикация: Сень, 2020, с. 135–169]. Тем не менее в свете ряда работ зарубежных ученых происхождение и значение названия данной группы, а также история его употребления еще нуждаются в изучении.

Показав, что ареал бытования термина *ахреяне* распространяется на территорию Болгарии [Сень, 2020, с. 136–167], где имеет вполне конкретное значение, Д.В. Сень воздержался от объяснения этих обстоятельств. Нужно отметить, что в болгарской науке вопрос о происхождении этого слова (болг. *ахряне*), связанный с политизированной проблемой болгар-мусульман, долгое время являлся предметом идеологически ангажированных спекуляций [см.: Заблуди ... 2010]. Поэтому вполне оправдан скепсис Д.В. Сения в отношении надуманной версии Х. Мехмеда о связи болгарских ахреян с названием области Ахрида (греч. *Αχρίδως*) в Восточных Родопях (болгарский исследователь локализует там арабское присутствие в IX в. – основываясь лишь на одном и притом неправильно прочитанном и датированном тексте на надгробии 1839 г.) [Мехмед, 2007, с. 11, 12, 36].

Соглашаясь с выводами Д.В. Сеня о библейском происхождении термина *ахреяне* и его появлении в русском языке в XVII в. в результате развития процессов «христианско-мусульманского взаимодействия», мы полагаем этимологическую связь этого неологизма с «русской книжной культурой» сомнительной [Сень, 2020, с. 140, 168]. Скорее, наоборот: московским книжникам той эпохи было известно, что данное слово попало в русскую лексику из османского языка. По крайней мере, так считал патриарший летописец конца XVII в.: «...а турским языком те изменники словут охреяны» [Богданов, Белов, 2022, с. 86]. Отмечая, «что термин “ахреяне” не встречается в источниках ранее XVII в.», Д.В. Сень имел в виду исключительно российские/русскоязычные источники [Сень, 2020, с. 136]. В османских же налоговых реестрах это слово фигурирует с XV в., причем в отношении подданных султана не только с мусульманскими именами, в том числе зарегистрированных как не мусульмане, но и с немусульманскими, но учтенных как мусульмане [Ménage, 1969, p. 198; Коуунсу, 2020, s. 318–330].

И.А. Мустакимов обратил внимание на упоминание ахреян в официальных документах Крымского ханства XVII в. (в двух фонетических вариантах), что тоже указывает на нерусское происхождение термина. «Ахриянскими ногайскими людьми» (*Ahriyân Noğay kişileri*), «астраханскими ахриянскими людьми» (*Hacıtarhan Ahriyâni kişilerininiz*) и «татарскими ахриянами» (*Tatar ahriyâni*) в этих источниках названы враждебные Крыму и подконтрольные России «группы тюркского мусульманского (бывшего мусульманского?) населения». Добавим, что там же фигурируют «донские ахрияны» (*Tan ahriyânlari*) и «ахриджань-казаки» (*Ahrican Qazaq*) – вероятно, известные по русским документам казаки-старообрядцы, переселившиеся на Кубань и в Азов [Документы ... 2017, с. 41, 52, 53, 66, 118, 119, 276, 277; Мустакимов, 2021, с. 150].

Следовательно, едва ли есть резон вслед за Д.В. Сенем сомневаться в том, что ахреяне упоминались в устной речи ногайцев и крымского нуреддин-султана Гази-Гирея в 1699–1700 гг., и усматривать в этом творчество русских переводчиков [К истории ... 1920, с. 272–273, 284; Сень, 2020, с. 166–167]. Данные некоторых расспросных речей позволяют сделать вывод, что *ахреяне* – это экзоним, употреблявшийся мусульманским населением Османской империи и Крымского ханства в отношении бежавших с Дона казаков-старообрядцев, а вовсе не изобретенный «приказным людом» маркер, как полагает Д.В. Сень [РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1466, л. 112, 135; Сень, 2020, с. 160–161, 166–167].

Как показал английский востоковед В.Л. Менаж, османское слово *ахрияны* является производным от упомянутого в Библии этнонима *агаряне* (древнегреч. *Ἀγαρηνοί*, лат. *Agareni*, древнеболг. *агаряни* – потомки Измаила, сына Авраама и Агари; иначе – измаильтяне), который в Средневековье использовался в христианском мире для уничижительного именованья арабов и вообще мусульман. После XI в. термин приобрел типологический характер и стал употребляться в византийских источниках в отношении туркоманского (огузского) населения Анатолии, а с началом османских завоеваний на Балканском

полуострове распространился на местных жителей, принявших ислам. К началу XV в. лексема приняла в болгарском языке форму *ахрияни* и затем проникла в османский язык как *ahriyâni* в качестве номинации новообращенного мусульманина. Нетрудно заметить ее сходство с близким по смыслу и ареалу употребления южнославянским понятием *потурнак* (отуречившийся). Помимо официальных кадастровых документов (начиная с 1420-х гг.), ахрияны фигурируют в литературных произведениях раннего османского периода (например, в «Истории Оруч-бея»), а также неоднократно упоминаются в «Книге путешествий» Эвлии Челеби при описании его странствий по самым разным регионам империи – от Крыма до острова Родос и от Фракии до Пелопоннеса. По мнению турецкого историка А. Коюнджу, бытование термина отражает негативный взгляд османской социальной элиты на склонных к религиозному синкретизму неофитов, которым в силу объективных причин требовалось время, чтобы адаптироваться к исламу. Именно поэтому со временем ахриянами в Османской империи стали называть всех новообращенных мусульман, независимо от ареала их проживания, в том числе оппортунистов, исламизировавшихся формально по социально-экономическим причинам, и ренегатов, вернувшихся затем в лоно прежней конфессии. Однако к началу XX в. слово приобрело и другое, более узкое значение, обусловленное географическим фактором. После того как в XIX в. исламизация Родоп достигла массовых масштабов, термин *ахрияны* стали отождествлять с родопскими помаками, которые тоже определяли себя как ахрияны, и болгары-христиане называли их так же. Лексема *ахрияны* до сих пор используется среди родопских помаков. Одновременно она продолжает употребляться в районе Трабзона в уничижительном смысле [Иречек, 1899, с. 67; Шишков, 1936, с. 19–26; Ménage, 1969, p. 197–212; Kılıç, 2013, s. 113–114, 120–121; Koyuncu, 2015, 2020, s. 317–342].

В схожем контексте в вышеупомянутых документах Крымского ханства фигурируют другие *ахрияны* – татарские и ногайские подданные русского царя, вероятно, являвшиеся, с точки зрения подданных крымского хана, мусульманами «второго сорта». Косвенно такое их позиционирование подтверждает запись в статейном списке российских посланников в Крыму Якова Ивановича Якушкина и Гавриила Гавриловича Михайлова, относящаяся к 29 января 1663 г. В этот день бей Мухаммедшах Сулешов сообщил их переводчику Кутлумамету Устокасимову, что воевода князь Г.Г. Ромодановский послал из Белгорода в Крым «в лазутчиках охреяна туму с нагайским татаринцом с Калабузаром» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1663 г., д. 2, л. 5]. В данном случае *охреяном* назван *тума* – полукровка русско-татарского происхождения, чья двойная этническая идентичность как бы усугублена смежной религией. Христианскими аналогами османской лексемы *ахриян* в некотором смысле можно считать русские термины *новокрещен* и *выкрест*.

В свете проанализированных данных, возможно, есть резон определять так называемых *агрыжанских татар* (жителей Агрыжанского двора Татарской слободы Астрахани в XVIII в.) не как отпрысков приезжих индийцев и местных татарских

женщин [Голикова, 1982, с. 170–171; Зайцев, 2008], а как исламизированных индийцев, и связывать происхождение русского термина *агрыжәне* с одним из вариантов османского и крымскотатарского названия ахриян – *ахриджаны* (*ahrican*).

Таким образом, в русской лексике слово *ахреяне* является заимствованием из османского языка, в который оно попало из болгарского и подверглось ассимиляции. Характерно, что в русском языке термин сохранил свое первоначальное смысловое наполнение, негативную коннотацию и инвективный характер. Отраженное в русских документах его использование, в том числе в отношении старообрядцев, переселившихся в османско-крымские владения, но не принявших ислам, свидетельствует, казалось бы, о расширительном толковании лексического значения слова, обусловленном приравниванием эмиграции в мусульманское государство к вероотступничеству. Как верно отметил Д.В. Сень, «...ахреянин – не всегда вероотступник... но всегда изменник» [Сень, 2020, с. 161–163, 167]. В такой многозначности нет ничего удивительного, поскольку в ту эпоху и в России, и в Османской империи конфессиональная идентичность превалировала над гражданской и этнической.

С другой стороны, часть этих ахреян вполне могли принять ислам формально (ведь сама эта процедура чрезвычайно проста) и сохранить тайную приверженность православию – или же просто скрыть позже от российских властей факт смены религии. Так, например, старообрядец Демьян Маркович Башмак сначала заявил на допросе в Белгороде 24 июня 1694 г., что после побега из Черкаска в Азов «не босурманился, только де в среду и в пяток и в посты по их босурманской обыкности мяса ядал». Но затем, давая 8 февраля 1695 г. повторные показания в Москве, он поведал, как «будучи в босурманской вере, пришел в покояние, что забыв страх божий и святую православную христианскую веру, и им, великим государем, крестное целование изменил...», почему и сбежал на родину. То есть внешне соблюдая нормы мусульманского поведения, Д.М. Башмак внутренне тяготел к православию. Допрошенный в Белгороде 13 ноября 1694 г. другой ахреянин Моисей Васильевич Тарасенко признался, что в Азове был «босурманен, а не обрезыван, и дано де ему по босурманской вере имя Юсупком» (Юсуф) [РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1406, ч. 1, л. 122, 176, 220].

В свете отмеченных особенностей продолжение исследования феномена ахреян в условиях российско-османско-крымского взаимодействия в пограничье представляется весьма перспективным.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100347-2. Автор благодарит к.и.н. И.А. Мустакимова за консультацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов А.П., Белов Н.В. Хронограф Русский III редакции из 182 глав. Ч. 2: Хронографическая редакция патриаршего Летописца 1619–1691 гг. // Словесность и история. 2022. № 1. С. 45–91.

2. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 216 с.
3. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: Константа, 2017. 816 с.
4. Заблуди и фалшификации за произхода на българите мохамедани: Материали от научната конференция (Смолян – 29 октомври 2009 г.). София: Тангра ТанНакРа ИК, 2010. 272 с.
5. *Зайцев И.В.* Агрыжанские татары: к истории индийской колонии в Астрахани // В Индию духа...: сб. ст., посвящ. 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова / сост. И.В. Зайцев, Г.М. Кузнецова, Т.Л. Шаумян. М.: Восточная литература, 2008. С. 164–171.
6. *Иречек К.* Княжество България: негова повърхнина, природа, население, духовна култура, управление и новейша история. В 2 ч. Ч. 1 / прев. Е. Каравелова. Пловдив: Изд. и печатъ на Х.Г. Данов, 1899. [2], VI, 432 с.
7. К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношению с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии / публ. Г.В. Вернадского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 57. Симферополь, 1920. С. 249–296.
8. *Мехмед Х.* Помаците и торбешите в Мизия, Тракия и Македония. София: [Б. и.], 2007. 168 с.
9. *Мустахимов И.А.* Новое издание по истории тюрко-славянских контактов // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 3. С. 148–150.
10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1406. Ч. 1.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1466.
13. *Сень Д.В.* Ахреяне: из истории происхождения и бытования термина // Известия Ростовского областного музея краеведения. 2012. Вып. 18–19. С. 167–177.
14. *Сень Д.В.* Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // Caucasia: труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2. М.: Центриздат, 2013. С. 128–150.
15. *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. 420 с.
16. *Шишков С.Н.* Българо-мохамеданите (Помаци): Историко-земеписен и народоучен преглед с образи. Пловдив: Търговска печатница, 1936. 119 с.
17. *Kılıç Ş.* Ottoman Perception in the Byzantine Short Chronicles // Tarih Araştırmaları Dergisi. 2013. Cilt 32. Sayı 53. S. 111–135.
18. *Koynucu A.* Devşirme Tarihine Bir Derkenar: Bosna'nın İslamlaşması ve Osmanlı Terminolojisinde Potur ve Potur Oğulları Terimlerinin Anlamı // Türk Sosyal Tarihçiliğinde Bir «Yalnız» İsim: Bahaeddin Yediyıldız'a Armağan. Ankara, 2015. S. 213–259.
19. *Koynucu A.* Evliya Çelebi Seyahatnâmesi'nde Ahriyan/Ahıryan Terimi ve Etimolojik Bir Değerlendirme // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2020. Cilt 8. Sayı 25. S. 317–342.
20. *Ménage V.L.* On the Ottoman word: ahriyân/ahıryân // Archivum Ottomanicum. Vol. 1. 1969. P. 197–212.